

УДК 81'282.2(470.331)

DOI: 10.26456/vtfilol/2024.3.080

МОТИВАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТВЕРСКИХ ГОВОРАХ

И. М. Ганжина

Тверской государственной университет, г. Тверь

Статья посвящена исследованию этимологической истории некоторых лексических диалектизмов с затемненной внутренней формой в говорах Тверской области. Сделана попытка выявить мотивационные характеристики слов восточнославянского происхождения путем проникновения в их внутреннюю форму, проследить их семантические связи с однокоренными лексемами в других говорах русского языка и в других славянских языках. Анализируются историко-семантические преобразования, которые могли иметь место в тверских говорах при возникновении новых, производных значений у существительных с переносным предикативно-характеризующим значением.

Ключевые слова: *этимология, диалект, семантика, внутренняя форма, мотивация, праславянский язык, индоевропейские языки.*

Проблема изучения этимологии диалектной лексики, её дополнительной этимологической интерпретации актуальна и по сей день, поскольку современные этимологические словари практически не восстанавливают семантическую историю слов, «подчас вообще оставляя без внимания разнородный набор его засвидетельствованных значений» [15, с. 54]. Между тем ценность русских диалектизмов и их роль в праславянской этимологии многоаспектны, и современные исследователи все больше внимания обращают на региональную лексику отдельного славянского языка как особый объект этимологизации (см.: [1; 2; 3; 4; 9; 10; 19; и др.]).

В. И. Даль не раз особо отмечал чрезвычайную сложность говоров Тверской губернии, «одной из самых пестрых и смешанных относительно языка» [8, т. 1 с. XXXV], образно говоря в предисловии к своему словарю: «Тверь пестра, как сорока...» [Там же, с. XXVIII]. Действительно, наблюдения над тверскими диалектизмами с переносным предикативно-характеризующим значением и неясной внутренней формой свидетельствуют об их генетической неоднородности. Наш материал не только обнаруживает свидетельства связей тверской лексики с данными других индоевропейских языков [5], выявляет связь её с праславянским лексическим

© Ганжина И.М., 2024

фондом, что обнаруживается порой в цельнолексемных соответствиях [6]; кроме того, в тверских говорах обнаруживается и польско-литовское наследие [7], и тюркские, и финно-угорские заимствования. И, безусловно, чрезвычайно широким и непростым является взаимодействие тверской лексики с другими говорами русского языка.

Нередко этимологию слов установить сложно, и многие лексемы не имеют в науке какого-либо достоверного объяснения. При этом одно и то же слово в говорах может иметь разные значения, что говорит о пройденном этими словами длительном пути развития, в результате чего на разных территориях на каком-то этапе произошло расхождение в значениях.

Покажем на примере некоторых тверских лексем с неясной внутренней формой, обозначающих лицо, какие семантические трансформации претерпело слово, какие преобразования семантики имели место при возникновении нового, нередко чисто местного значения.

В тверских говорах зафиксированы лексемы, образованные с помощью сложения основ, корней, иногда по аналогии с другими словами. Не всегда в подобных случаях удаётся достоверно установить их этимологию, но можно делать какие-то предположения. Например:

Жеревьяка ‘невежа, забияка’.

По звучанию напрашивается связь с родственными *жерребёнок*, *жерребиться*, с русской огласовкой общеславянского **žerbę*, отмеченного во всех славянских языках и имеющего индоевропейскую базу [17, т. 1, с. 299–300]; возможно, это эмоционально окрашенное видоизменённое образование от **жербяка*. Однако представляется возможным и сложное образование, от двух основ: др.-р. *жербя* + *вякать* (о.-сл. корень, имеющий в разных славянских языках значение ‘клянчить; лаять; бляеть; задирается’, которое считается звукоподражанием [16, т. 1, с. 375]).

В таком случае тверское слово могло претерпеть такую цепочку изменений: «ребёнок (жерребёнок), который постоянно вякает (т.е. кричит, задирается)» > «неразумное существо, не умеющее вести себя пристойно» > «невежа» > «забияка».

Бухвост ‘ябеда’

Тёмное в этимологическом плане образование. М. Фасмер приводит это слово в качестве личного имени, ссылаясь на примеры А.И. Соболевского: *Бухвост*, *Бухваст*, и с сомнением предполагает, что оно имеет корень *хваст* и приставку *бу-*, либо образовано от сочетания *Богу хваст*, либо связано со скандинавскими языками [Там же, с. 255]. Однако это кажется маловероятным. На наш взгляд, слово могло образоваться сложением двух корней: *бух-* + *хвост*. Первый корень связан с общеславянским *бухать* ‘стучать, хлопать’ от звукоподражательного *бух* [18, с. 65] – ср. сходное значение у слова *стукач* ‘ябеда, доносчик’. Второй

корень – *хвост-* – в говорах встречается и в составе других лексем: *бухвóстка*, *бухвóстник*, *балахвост*, *нахвóстница*, *нахвóстник*, *острохвóстка*, *охвóстка*. *Хвост* в словаре В.И. Даля – это все, что «тащится сзади, вроде привеска» [8, с. 546]. Там же встречаем *хвост* в значении ‘сплетник, пересказчик, переносчик’ и *хвосты* в значении ‘сплетни’ [Там же]. Такое образное представление о человеке, приносящем с собой сплетни, словно хвост, реализуется и в известной присказке о сороке, разносящей новости на длинном хвосте.

Таким образом, одно из возможных объяснений этимологии слова *бухвост*: «тот, кто таскается за кем-то хвостом, а потом стучит, т.е. доносит («бухает») на него» > «ябеда». Интересно, что это слово, по всей видимости, имело небольшой ареал распространения, возможно, ограничиваясь тверскими землями: так, тверские помещики *Бухвостовы* записаны в тверских писцовых книгах XVI в. [11, с. 266–267] и в списках тверского дворянства XVII в. [14, с. 48].

Балахнистка ‘отлынивающий от работы’

Тёмное по своему образованию слово. Первая его часть – такая же, как в отмеченном в народной речи слове *балахвост* ‘бездельник’ [13, т. 2, с. 74]. На наш взгляд, *балахнист* – это фонетический вариант народного *балахлыст* (из *балохлыст? – И.Г.) ‘праздношатающийся’ [16, т. 1, с. 114], образованный сложением корней: *бал-* + *хлыст*.

Слово *хлыст*, по-видимому, является северным, оно зафиксировано в новгородских говорах: *хлыст* ‘верзила, взрослый парень, который только шатается и повесничает’ [8, т. 4, с. 502].

Первый корень тверской лексемы, по всей видимости, восходит к древнерусскому корню *бал-*. Ср.: укр. *бали* ‘разговоры, рассказы’, бел. *бал* ‘разговор’, диал. *балы* ‘лясы, рассказы, шутки’ [18, с. 33]. Этимологи, отмечая слово *балы* (*baly*) в русской диалектной речи в значении ‘рассказни, пустой разговор, шутки, веселье’, ограничивают его распространение восточнославянскими языками [20, т. 1, с. 150]. Однако, на наш взгляд, этот корень имел в прошлом более широкий ареал распространения; возможно, он было когда-то общим для славянских языков – ср. польское *balakać* [16, т. 1, с. 114].

Данный корень вошёл в состав многих производных диалектных образований со значением ‘слоняться без дела’, ‘бездельничать, лениться’. Ср.: *баландаться*, *баландрить*, *балантрясить*, *балахлыстить*, *балахрыстить*, *балахрылничать*, *балахрыстничать*, *балахтаться* и др. [13, т. 2, с. 73–79]. Ср. также в разных говорах обозначение лица по действию: *баланда*, *балантрянс*, *балахрыст*, *балбатун*, *Балахрысья Ивановна* – все эти слова употребляются в значении ‘болтун, пустомеля’, ‘праздничный человек, бездельник’ [Там же]. По всей видимости, от этого же корня образовались и слова *балагур*, *балалайка*, *баламут*, *баловать*.

Однако можно вывести и более древнюю этимологию исходного корня. Так, Н. М. Шанский, говоря о происхождении глагола *баловать*, считает его древнерусским образованием от основы *бал-* и тоже связывает его с диал. *балы* ‘лясы, рассказы, шутки’ [18, с. 34, 37]. При этом исследователь считает эту основу производным с суффиксом *-л-* от исчезнувшего глагола *бати* (ср. в чешском *báti*, в н.-луж. *bać* ‘говорить, рассказывать’ [Там же]). А это, безусловно, приводит нас к выводу, что данный корень связан с глаголом *баять* ‘говорить’; следовательно, просматривается этимологическая связь приведённого нами тверского слова с тверскими же *бахирь* ‘рассказчик’; *бахора* ‘хвостун’.

Таким образом, в сложном существительном, зафиксированном в тверских говорах, смешались корни, разные по времени своего происхождения (*бал-* – восточнославянское из общеславянского *ба-*; *хлыст* (> *хнист-ка*) – русское). Вероятно, тверское слово прошло такую цепочку фонетико-морфологических изменений: *бал* (< **baj-*) *о-хлыст* > *балахлыст* > *балахнист* > *балахнистка* – и, соответственно, такой путь преобразования значения: «взрослый парень, который вместо того, чтобы работать, шатается без дела, только точит лясы, шутит и пустословит» > «тот, кто отлынивает от работы».

Остановимся еще на нескольких словах, либо известных только тверским говорам, либо отличающихся по значению в сравнении с другими территориями.

Гоношило ‘загребущие руки’

В таком значении слово зафиксировано только в тверских говорах. Видимо, семантическое расхождение произошло ещё на уровне исходного глагола *гоношить*, широко распространённого на разных русских территориях в самых разных значениях: 1) хлопотливо заниматься каким-либо хозяйственным делом арх., олон., волог., влад., костр., вят., новг. и др.; 2) делать что-либо быстро – во многих говорах, как южных, так и северных; 3) делать что-либо увлечённо, старательно» влад., новг., курган., заурал.; 4) делать что-либо из остатков, обрезков» север., томск.; 5) делать что-либо незаметно; 6) делать что-либо постепенно, исподволь; 7) плотничать, строить арх., перм., забайк.; 8) копить, собирать что-либо в одно место и т.д. (есть и другие значения) [13, т. 7, с. 10–14]. И только в тверских говорах у этого глагола зафиксировано иное значение: ‘грести (сено)’ [Там же, с. 11]. От него, вероятно, и образовалась лексема *гоношило* в значении ‘загребущие руки’. На базе разных значений глагола появились и другие диалектные существительные того же корня – например, *гоношун* – в пермских и свердл. говорах означает ‘хороший хозяин’, а в арх., урал., забайк. – ‘суетливый человек’ [Там же, с. 12]. Однако этимология исходного слова (как и само исходное слово) остаётся неясной.

Этимологи зафиксировали у праславянского **gon* огромное количество значений, мало связанных семантически с нашей лексемой, однако в тверских говорах, с отсылкой к «Опыту словаря говоров Калининской области» (!), отмечено чисто местное значение слова *гон* ‘надел земли, покоса, полоса в старой деревне’ [20, т. 7, с. 26–27]. Тогда цепочку семантических преобразований существительного *гоношило* в тверских говорах можно представить таким образом: «кто косит сено на своем участке земли» > «кто загребают сено» > «кто вообще что-то загребают, тянет на себя, присваивает себе» > «загребущие руки».

Гориста ‘рассеянная’

Словарь русских народных говоров даёт два фонетических варианта: *гориста* и *гариста* в том же значении и в том же говоре: ‘рассеянный человек’ – твер.; там же как тверской зафиксирован и глагол *гориститься* ‘быть рассеянным’ [13, т. 7, с. 36]. Маловероятной представляется связь его с корнем *гор-* (**gor-*), имеющим в разных языках значения ‘гора’, ‘лес’. Этимология слова остаётся тёмной. Полагаем, что подобное значение могло возникнуть на базе древнерусского (и – шире – общеславянского) *горесть* ‘горечь; чувство скорби, печали; тоска’ [20, т. 7, с. 41]; ср. также древнерусское *горий* ‘худший’ [12, т. 1, с. 554].

Соответственно, развитие значения шло таким образом: «та, что испытывает горесть, скорбит, печалится» > «которая, полностью сосредоточившись на своей душевной боли, не замечает и не слышит ничего вокруг» > «рассеянная».

Бальник ‘шутник, шалун’

Слово, этимологически связанное с тем же восточнославянским *бал-* – из общеславянского *ба-*, что и в приведенной ранее тверской лексеме *балахнистка* – ср. диал. *балы* ‘лясы, рассказы, шутки’ [18, с. 33]. В других русских говорах встречается с похожими значениями, но с другим суффиксом: *балун* ‘шалун; рассеянный, невнимательный человек; лентяй’ [20, т. 1, с. 149]; ср. также литературные *баловень*, *баловник*.

Однако в данном случае в тверских говорах развитие значения происходило следующим образом: «тот, кто рассказывает что-то» > «тот, кто, рассказывая что-то, постоянно шутит, хулиганит» > «шутник, шалун».

Жох ‘грубый мужлан’

Н.М. Шанский считает это слово собственно русским, пришедшим в литературный язык из южно-великорусских диалектов в XIX в. и имеющим значение ‘пройдоха, хитрец’ [18, с. 148]; это значение зафиксировано в калужских говорах; ср. однокоренное с тем же значением *жохёр* в новгородских говорах [13, т. 9, с. 218]. Однако на тверской территории

слово приобрело иное значение: ‘грубый мужлан’. В любом случае данная лексема связана по образованию с глаголом *жечь*, *жгу* (ср. однокоренное *выжига* ‘плут, мошенник’ [16, т. 2, с. 62]). По-видимому, развитие семантики тверского слова шло так: «прожжённый тип (который прошёл огонь и воду и не стесняется в средствах для достижения своей цели)» > «грубый мужлан».

Слово *жох* имеется во многих говорах, но употребляется в разных значениях, отличных от тверского: ‘черствый, жесткий, неуступчивый человек’ (волог., сарат., пенз.), ‘сутяга’ (перм.), ‘бестолковый или неумный человек’ (влад.) [13, т. 9, с. 218].

***Копырза* ‘подлый тип’**

По всей вероятности, слово узкого ареала распространения, не имеющее аналогов в других языках. Родственные лексемы зафиксированы в северно-русских говорах: так, в пск., арх. *копырзиться* ‘ломаться, упрямиться, задирается, хорохориться’ [16, т. 2, с. 320], отсюда областное (без указания места) *копырза* ‘гордец, чванный, ломливый человек’ [8, т. 2, с. 161]; *копырза* пск., твр. ‘капризный, упрямый’ [Там же, с. 224]. Кроме того, В.И. Даль отмечает как псковский и тверской глагол *копырять* (кого) ‘ковырнуть, копнуть, дать пинка; столкнуть’ [Там же, с. 161].

Однако тверскими диалектологами во время экспедиций зафиксировано другое значение лексемы *копырза* – ‘подлый тип’, по-видимому, возникшее в результате переосмысления и развития вышеназванных значений – например: «кто упрямится, чванится, дуется на всех, сердится, считая всех виноватыми» > «кто старается этих якобы виноватых как-то поддеть, подковырнуть, толкнуть – возможно, исподтишка» > «тот, кто может совершить любую подлость, подлый тип».

Таким образом, исследование производности диалектизмов позволяет порой не только обнаружить утраченные скрытые ассоциации, но и прояснить способы осмысления окружающей действительности, а порой дает возможность уточнить источник заимствования.

Одна из задач современной лингвистической науки состоит в определении этимологической принадлежности многих русских и славянских слов, не имеющих убедительной этимологии, интерпретации их словообразовательной и семантической структуры для более глубокого понимания процессов, протекавших в эпоху праславянского языка и в разные периоды развития русского языка. Полагаем, что подобная историко-этимологическая интерпретация большого массива диалектных слов позволит сделать выводы об этимологическом и историческом статусе и о генезисе говоров тверского региона.

Список литературы

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. 768 с.
2. Варбот Ж. Ж. Алтайские диалектизмы на фоне славянской этимологии // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII) : К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. Москва : Наука, 2002. С. 314–318.
3. Варбот Ж. Ж. Заметки по этимологии русской диалектной лексики // Этимологические исследования. Свердловск : Уральский государственный университет, 1988. С. 62–65.
4. Галинова Н. В. Из севернорусских диалектных этимологий. II // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 109–114.
5. Ганжина И. М., Габлина Т. В. Переосмысление значений слов с индоевропейскими корнями в тверских говорах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1. С. 81–86.
6. Ганжина И. М. Отражение праславянского лексического фонда в составе тверской лексики // Тенденции развития современной отечественной филологии. Тверь : Тверской государственный университет, 2019. С. 103–112.
7. Ганжина И. М. Польско-литовское наследие в тверских говорах: этапы семантической эволюции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 3 (70). С. 104–109.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : Русский язык, 1989–1990.
9. Куркина Л. В. Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология. 1970. Москва : Институт русского языка, 1972. С. 91–102.
10. Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XV // Этимология. 1986–1987. Москва : Институт русского языка, 1989. С. 44–54.
11. Писцовые книги Московского государства XVI века. Ч. 1 / Под ред. Н. В. Калачева. Санкт-Петербург, 1877. 1598 с.
12. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. Москва, 1958.
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–40. Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965–2006.
14. Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII в. Вып. 2. Тверь, 1893. 143 с.
15. Толстая С. М. Семантическая реконструкция в этимологии и этнолингвистике // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 54–55.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Москва : Прогресс, 1964–1973.
17. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. Москва : Русский язык, 1994.
18. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Москва : Просвещение, 1971. 542 с.
19. Шарифуллин Б. Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири. Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1994. 191 с.

20. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–35. Москва: Наука, 1975–2009.

MOTIVATIONAL CHARACTERISTICS OF VOCABULARY OF EAST SLAVIC ORIGIN IN TVER DIALECTS

I. M. Ganzhina

Tver State University, Tver

The article deals with the etymological history of some lexical dialecticisms with a darkened inner form in the dialects of the Tver region. An attempt is made to identify the motivational characteristics of words of East Slavic origin by penetrating into their internal form, to trace their semantic connections with the same-root lexemes in other dialects of the Russian language and in other Slavic languages. The author analyzes the historical and semantic transformations that could take place in Tver dialects when new, derived meanings arise in nouns with a figurative predicative-characterizing meaning.

Keywords: *etymology, dialect, proto-Slavic language, Indo-European languages, semantics, motivation, internal form.*

Об авторе:

ГАНЖИНА Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: emmaus1962@yandex.ru.

About the author:

GANZINA Irina Mikhailovna – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: emmaus1962@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2024 г.

Дата подписания в печать: 06.09.2024 г.